

Немецкий идеализм после конечности

СОВРЕМЕННАЯ мысль, как известно, — по крайней мере в своих наиболее «авангардных» формах, притом как «аналитических», так и «континентальных», — в последние годы существенно отошла от влияния постмодернизма, философии языка и феноменологии, заново повернувшись к вопросам онтологии и метафизики, к традициям реализма, натурфилософии, спекулятивной философии и теологии и к таким понятиям, как, например, Абсолют, система, природа или реальность. При этом любая, даже традиционная концептуальность, оказывающаяся сегодня в центре внимания (в том числе такие понятия, которые вполне уютно чувствовали бы себя в постмодернистском или феноменологическом контексте, скажем, «случайность» или «научность»), трактуется уже ввиду новых философских задач и новой философской ситуации, обрастая иными отсылками и ставками. Вследствие этого отвержения (или по крайней мере критического переосмысления) трансцендентальной и «квазитрансцендентальной», используя термин Деррида, генеалогии мысли, в которую попадает и большая часть мысли постмодерна¹, целый ряд важных рубежей противостояния в современной философии проходит через Канта и послекантовский немецкий идеализм, и это неудивительно. К этому добавляется и такое соображение, что сама философская ситуация немецкого идеализма, возникшего и закалявшегося в полемике со скептицизмом, догматизмом, иррационализмом или лингвистической метакритикой, а также в попытке, с одной стороны, преодолеть просвещенческие бинарности, а с другой — «онтологизировать» кантовский идеализм и превзойти его ограничения, роднит пост-

1. Важное исключение здесь, по крайней мере частичное, — Жиль Делёз, чья онтология имманентности воспринимается как предвещающая нынешний поворот.

кантианскую мысль с сегодняшней мыслью и сегодняшними философскими спорами.

Порой эта переориентация, как в случае Квентина Мейясу, резко отмежевывается от Канта, в чем Мейясу вторят и редакторы сборника с программным названием «Спекулятивный поворот: континентальный материализм и реализм» (2011)². С другой стороны, Катрин Малабу призывает, как раз в целях критики Мейясу и «спекулятивного реализма», наоборот, вернуться к Канту и понятию трансцендентального, но истолкованному уже в реалистическом ключе³. Славой Жижек бьет и постмодернизм, и спекулятивный реализм онтологией Гегеля, а другая ключевая фигура в новом повороте к реализму — Иэн Хэмилтон Грант — черпает из Шеллинга и натурфилософии⁴. Эдриан Джонстон, разрабатывающий в полемике с Жижеком теорию «трансцендентального материализма» (не в смысле Делёза — Гваттари⁵), поднимает на щит гегелевскую натурфилософию и логику⁶. К Гегелю же и Шеллингу обращается, например, «новый реализм» Маурицио Феррариса и Маркуса Габриэля, располагающийся на стыке континентальной и аналитической традиций; притом, скажем, Шеллинга Габриэль тоже использует и как орудие полемики (в том числе против Мейясу), и как ресурс для выработки новой реалистической онтологии⁷. Если говорить о старшем поколении, Франсуа Ларюэль отмечает методологическую близость своей не-филосо-

2. Bryant L., Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds). Melbourne: re.press, 2011. P. 4. Что касается Мейясу, то «Логос» не так давно посвятил «спекулятивному реализму» отдельный номер: Логос. 2013. № 2 (92).

3. См.: Malabou C. Avant demain. Épigenèse et rationalité. P.: PUF, 2014.

4. См.: Grant I. H. Philosophies of Nature after Schelling. L.: Continuum, 2006. Книга Гранта повлияла на целое новое поколение философов, включая исследователей немецкого идеализма, например на Дэниела Уистлера, чья статья публикуется в этом номере.

5. Ср.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 121–122.

6. См., напр.: Johnston A. Prolegomena to Any Future Materialism. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2016 (в печати). Vol. 2: A Weak Nature Alone. См. также статью Джонстона в этом номере.

7. См., напр.: Ferraris M. Introduction to New Realism. L.: Bloomsbury Publishing, 2015. P. 11–12, 114; Gabriel M. The Mythological Being of Reflection — An Essay on Hegel, Schelling, and the Contingency of Necessity // Gabriel M., Žižek S. Mythology, Madness, and Laughter: Subjectivity in German Idealism. L.: Continuum, 2009. P. 15–94.

фии и наукоучения Фихте⁸, а Ален Бадью не только сам оказывается преследуем призраком Гегеля, но и передает этот призрак — как *свой* призрак — по наследству Славою Жижеку и Франку Руде⁹. И это лишь некоторые примеры. В целом последние прочтения знакомых фигур немецкого идеализма в контексте «онтологического поворота», настроенные уже на иной спектр вопросов эпохи «после постсекулярности и постмодерна»¹⁰, в том числе прочтения академические¹¹, открывают новый этап работы с наследием и ресурсами немецкой классической мысли.

Цель этого блока статей — не столько проанализировать такого рода новые подходы, сколько *предложить* их, то есть представить срез современной «спекулятивной» работы с традицией немецкого идеализма в новом поколении континентальной философии. При этом часть предлагаемых статей посвящена более абстрактным темам и концептам (контингентность, утопия, имманентность, само понятие абстракции), часть — в буквальном смысле более «человеческим» (таким как антропология, история, субъективность). Свидетельством того, что все они погружены в одно концептуальное поле, — что, надеюсь, читатель заметит и без подсказки, — выступает и их непреднамеренная, но важная переключка между собой. Так, для них характерно сочетание фигур *имманентности, безосновности и безличности*, вплоть до бесчеловечности: имманентное порождение возможностей у Джонстона; имманентное, безличное и бессубъектное наследование духа у Руды; нечеловеческое сообщество у Тимофеевой; безличная им-

8. Как формулирует это Энтони Пол Смит, «фихтевское наукоучение открыто адаптируется Ларюэлем и мутирует у него»: *Smith A. P. François Laruelle's Principles of Non-Philosophy: A Critical Introduction and Guide*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 3. См. также гл. 4 книги Смита.
9. См., напр.: *Ruda F. For Badiou: Idealism without Idealism*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2015; *Idem. Badiou with Hegel: Preliminary Remarks on A(ny) Contemporary Reading of Hegel // Badiou and Hegel: Infinity, Dialectics, Subjectivity*. Lanham, MD: Lexington Books, 2015. P. 105–122; *Osborne P. More Than Everything: Žižek's Badiouian Hegel // Radical Philosophy*. 2013. № 177.
10. Заглавие ключевого сборника статей по новой философии религии: *After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion / A. P. Smith, D. Whistler (eds)*. Newcastle: Cambridge Scholars, 2010.
11. Две важные академические книги такого рода принадлежат (из авторов предлагаемого блока статей) Дэниелу Уистлеру и Майклу О'Нил Бёрнсу: *Whistler D. Schelling's Theory of Symbolic Language*. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Burns M. O. Kierkegaard and the Matter of Philosophy: A Fractured Dialectic*. L.: Rowman & Littlefield, 2015.

манентность у Дубилета; тотальная бесчеловечность абстракции у Уистлера; утопическая имманентность как структура и темпоральность у Александрова. Среди таких перекликающихся моментов — и теоретизация *ohne Warum* («без „зачем“») в статьях Джонстона и Дубилета: у Джонстона как безосновной контингентности, у Дубилета — как безосновной имманентности, в традицию которой он вписывает Экхарта и Гегеля. Другая важная черта — онтологический уклон представленных статей. Даже когда речь идет о человеке, субъективности или, скажем, методологии (как у Уистлера и Александрова), в основании этого стоит (или оборотной стороной этого непременно является) *онтология* — будь то субъективности (Бёрнс), антропологического наследования (Руда), пропасти между реальностью и свободой (Тимофеева), случайности, или контингентности (Джонстон), имманентной жизни (Дубилет), утопического начала и структуры (Александров) или утопического же пространства (Уистлер). Наконец, что бы эти тексты ни теоретизировали и как бы они ни радикализировали или стратегизировали отдельные ходы и фигуры (пост)кантианской мысли, все они имеют программный характер и неотделимы от современного теоретического контекста. Имплицитно или явно они демонстрируют, с одной стороны, почему немецкая классическая мысль вновь предстает сегодня как важный философский ресурс, а с другой — как эту традицию можно переосмыслить и перечитать, и притом в систематическом и конструктивном, а не только де(кон)структивном ключе. Все предлагаемые статьи написаны специально для «Логоса» с целью представить как раз текущую работу тех, кто дает новую жизнь немецкому идеализму.

Кирилл Александров